

Ночь выдалась глубокой, но на редкость ясной. Лунный свет серебристой волной переливался через деревянный подоконник. Затебив масляную лампу, Фан Чжуншань приоткрыл подаренный Старым мастером Е травник, вглядываясь в строки при зыбком свете фитиля.

Текст попадался редко — в основном страницы пестрели набросками. Рисунки, сделанные серо-коричневым углем, выглядели довольно небрежно, а пояснения к ним были начертаны размашистыми, огромными иероглифами. Если бы не поразительное чутье на травы, развитое у Фан Чжуншаня, казалось, до предела, он бы точно сломал голову над этими каракулями.

Хотя художественной ценности наброски не представляли, сама книга оказалась кладом практических знаний и редких наблюдений. Поначалу он собирался лишь бегло просмотреть страницы, но увлекся так, что уже не мог оторваться.

Луна уже клонилась к закату, когда уставший ждать в постели Цзян Жан не выдержал. Набросив на плечи верхнее платье, шуаньэр поднялся и подошел к нему.

— Старший брат Чжуншань, время совсем позднее, почему ты еще не спишь? Экзамен ведь только через три дня, к чему такая спешка? Читать в потемках — лишь глаза портить. К тому же на улице полно мошкеры. Ложись лучше, а завтра поутру дочитаешь.

Поддавшись на уговоры, Фан Чжуншань наконец послушно отложил книгу и забрался под одеяло. Прошло совсем немного времени, дыхание его выровнялось, и он погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Утро следующего дня выдалось ясным и теплым. Проснувшись пораньше, Цзян Жан принялся хлопотать у очага: сварил нежную кашу, набрал ледяной родниковой воды и охладил в ней целую пиалу спелых диких ягод. Он заботливо поставил ее у рабочего столика Фан Чжуншаня, чтобы тот мог освежиться во время занятий.

За эти дни к ним не раз заглядывал Линь Фэн. Узнав, что Фан Чжуншань заперся дома ради подготовки, охотник одобрительно поднял большой палец и закивал:

— Вот это дело! Молодец! Будет у парня надежное будущее! Если и впрямь повезет пойти в ученики к тому знаменитому лекарю, переберешься в город. Там жизнь куда лучше, чем в нашей глухомани!

Уходя на охоту, Линь Фэн всякий раз возвращался с добычей: то дикого фазана принесет, то лесных лакомств, и всё отдавал в дом Фана. При этом он заговорщицки шептал Цзян Жану:

— В лесу этого добра полно, бери-бери. Ему сейчас силы нужны, так что ты уж, как любящий супруг, позаботься о нем как следует!

Цзян Жан и без того души не чаял в Фан Чжуншане, а уж теперь окружил его прямо-таки

материнской заботой. Каждая трапеза превращалась в пиршество из наваристых бульонов и сытных блюд, а предусмотрительность юноши не знала границ. Фан Чжуншань лишь ласково посмеивался, ловя себя на нелепом ощущении, будто готовится к сдаче единого госэкзамена, но только в чужом, древнем мире.

За несколько дней упорного труда Фан Чжуншань усвоил львиную долю премудростей из травника. И вот настал долгожданный день испытания. Проснулись они задолго до рассвета.

Юный шуаньэр хлопотал не покладая рук: нарезал сочные плоды, до краев наполнил бамбуковую дорожную флягу колодезной водой и бережно уложил всё в заплечный короб, который и без того едва застегивался.

Весть о том, что Фан Чжуншань отправляется в город на испытание лекаря, долетела и до дяди Цзяна. Тот без раздумий отказался от выгодного заказа, чтобы лично отвезти соседа, а на шею своему верному ослику заботливо повесил пышный пирог фагао — на удачу.

— На моем ослике с пирогом поднимешься выше гор! — гордо хвастался возница. — И дела твои пойдут в гору, и сам высоко взлетишь. Божественный лекарь едва тебя увидит, сразу поймет: перед ним истинный самородок!

Возница так и сыпал присказками да пожеланиями, а следом семенил Цзян Жан. Набросив на плечи дорожный короб, он преданно смотрел на Фан Чжуншаня сияющими, полными безграничного доверия глазами.

Фан Чжуншань лишь молча качал головой, глядя на этих двоих. Один суетился пуще прежнего, другой сыпал небылицами — и оба дрожали от волнения сильнее самого виновника торжества.

«Ну надо же, — с мягкой иронией подумал он. — Будто и впрямь перед выпускными экзаменами стою».

Набор учеников к самому Цай Сюаню прослыл событием из ряда вон выходящим. Ради этого аптека «Ветра и Облаков» на весь день закрыла двери для обычных покупателей, освободив просторные залы для съехавшихся со всех концов искателей удачи.

Поскольку Город Процветающего Ян раскинулся у подножия Горы Одинокого Шамана — места, издревле славившегося редкими травами, — недостатка в опытных заготовителях здесь никогда не было. Очень скоро просторные помещения аптеки наводнила разношерстная толпа претендентов.

Поднявшись на верхнюю ступень крыльца, Старый мастер Е придирчиво оглядывал собравшихся. Набралось никак не меньше полусотни человек. Кого-то он знал лично — то были отпрыски именитых городских династий, посвятивших сбору и изучению корней не одно поколение.

Эти юноши сызмальства дышали ароматами сушеных корней и снадобий. Пусть с виду они казались совсем юными и неоперившимися, старец Е понимал: в распознавании трав они способны утереть нос любому признанному знахарю.

Фан Чжуншань и Цзян Жан тихонько проскользнули внутрь через боковую калитку и сразу же направились к Старому мастеру Е. Завидев парня, тот без лишних приветствий строго спросил:

— Ну что, проштудировал мой травник от корки до корки?

Стоило Фан Чжуншаню уверенно кивнуть, как морщины на лице старика слегка разгладились, хотя тень тревоги в его глазах так и не исчезла.

— Соперников сегодня собралось предостаточно, — вполголоса добавил Старый мастер Е. — Но ты не изводи себя понапрасну. Сделай всё, что в твоих силах, а там уж как небо рассудит.

Фан Чжуншань лишь понимающе улыбнулся в ответ, не желая пускаться в долгие объяснения.

«В прошлой жизни я годами бродил по кручам, отыскивая редкие корни, — пронеслось у него в голове. — Пешком исходил всю страну вдоль и поперек. В чем-то другом я, быть может, и уступлю этим юнцам, но только не в знании трав».

В просторном помещении гудело человеческое море: сорок пять соискателей спорили, переговаривались и делились слухами, отчего в лавке стоял невообразимый гвалт. Сложнее всего приходилось здешним служкам: они не только сбивались с ног, разнося гостям чай, но и сорвали голоса, безуспешно пытаясь утихомирить разгоряченных юношей.

Впрочем, суматоха улеглась довольно быстро.

Всех пришедших разделили на девять групп по пять человек. Очередность испытания решал жребий: те, кому выпадали первые номера, сразу отправлялись в закрытый внутренний дворик, а остальным оставалось лишь томиться в ожидании перед лавкой.

Фан Чжуншань уступил право выбора Цзян Жану. Зажмурившись от страха, юноша робко опустил ладонь в резной ящик. Он долго перебирал бумажные свитки, мысленно моля небо о благосклонности, и наконец, набрав в грудь воздуха, вытащил один и протянул лекарскому помощнику.

Тот проворно развернул плотный свиток и зычно провозгласил:

— Фан Чжуншань, шестая группа!

Номер оказался ближе к концу списка, что не могло не радовать. Пока остальные претенденты

взволнованно спорили или, напротив, пытались казаться равнодушными, Фан Чжуншань оставался невозмутим. Уведя своего притихшего шуаньэр в тенистый уголок, он усадил его рядом, ласково сжал тонкие пальцы и, прикрыв глаза, погрузился в спокойное созерцание.

Но стоило ему на мгновение расслабиться, как покою пришел конец — неприятности сами нашли его.

Еще у входа на Фан Чжуншаня и его спутника обратил внимание Цзян Жэньюй. Скромно сидевший в сторонке Цзян Жан сразу бросался в глаза. За время, проведенное в доме Фана, юноша разительно переменялся: его щеки округлились и покрылись здоровым румянцем, а в некогда тусклых, затравленных глазах, которые в семье Цзян считали источником всех бед, теперь горел живой, ясный свет.

Этот заносчивый ханьцзы приходился Цзян Жану двоюродным братом. Будучи младшим сыном старшего дяди Цзяна, он был на десять лет старше кузена, давно обзавелся собственной семьей и считал себя человеком солидным. Отучившись несколько лет в частной школе, Цзян Жэньюй вырос человеком проницательным и хватким. Наслушавшись городских приятелей о баснословных доходах травников, он решил попытать счастья на новом поприще и ценой бесконечных взяток да щедрых подношений сумел втереться в доверие к одной зажиточной семье лекарей.

Сюда он явился с единственной целью — урвать заветное место под крылом божественного лекаря Цай Сюаня.

Лишь когда мужчина подошел вплотную, Цзян Жан узнал незваного гостя и в испуге сжался, инстинктивно прячась за широкую спину Фан Чжуншаня.

Цзян Жэньюй высокомерно нахмурился, процевив сквозь зубы:

— И это вся твоя почтительность при встрече со старшим братом? Правду отец говаривал: шуаньэр, выросший без отцовского пригляда, начисто лишен какого-либо воспитания!

Эти злые слова ударили по самому больному. Глаза Цзян Жана мгновенно налились слезами обиды, а кулаки сжались с такой силой, что побелели костяшки. Если бы не присутствие супруга, он бы без раздумий вцепился обидчику в лицо.

Фан Чжуншань накрыл ладонью дрожащие кулачки юноши, успокаивающе погладил их и, подняв холодный взгляд, небрежно поманил пальцем стоявшего неподалеку служку. Мальчишка, прекрасно знавший об особом отношении Старого мастера Е к этому гостю, тут же услужливо подбежал к ним.

На лице Фан Чжуншаня не отразилось и тени волнения. Даже не взглянув на побагровевшего родственника, он кивнул в его сторону и лениво, с издевкой бросил служке:

— Послушай, аптека «Ветра и Облаков» — заведение почтенное и известное по всему городу. Почему же у вас тут без привязи шатаются бродячие псы? Тявкает под ухом, спасу нет. Уж сделай одолжение, привяжи его где-нибудь на заднем дворе.

От такого неслыханного оскорбления лицо Цзян Жэньюя пошло багровыми пятнами. Он задохнулся от ярости, а его губы мелко задрожали.

— Да как ты... как ты смеешь! Что за чушь ты несешь?!

Будучи человеком грамотным, посещавшим когда-то школу, он брезговал опускаться до площадной брани, но от переполнявшего его гнева язык отказывался повиноваться, и он лишь беспомощно хватал ртом воздух.

Поняв, что столкнулся со старой семейной враждой, служка испуганно замер. Он затравленно переводил взгляд с одного мужчины на другого, проклиная в душе тот миг, когда решил подойти.

Фан Чжуншань неспешно поднялся на ноги. Он превосходил противника ростом почти на голову, и теперь его могучая фигура нависла над обидчиком, обдавая того ледяной, удушающей решимостью.

— Помнится, у ворот твоего дома я ясно предупредил, — вкрадчиво, но отчетливо заговорил он. — Будешь вертеться под ногами — пришибу на месте. Как думаешь, сколько у тебя лишних голов на плечах, чтобы испытывать мое терпение?

Цзян Жэньюй давно затаил злобу: его бесило, что этот ничтожный шуаньэр посмел поднять голову после свадьбы. А уж позор, который молодожены навлекли на род Цзян во время своего первого визита, до сих пор не давал ему покоя перед деревенскими. Он-то надеялся уязвить наглецов злым словом, но просчитался. Яд не подействовал — мужчина наткнулся на глухую стену презрения и неприкрытой угрозы.

Перед глазами Жэньюя живо воскресла картина, как Фан Чжуншань одним ударом тяжелого тесака разнес в щепки дубовый стол. Бешеная, дикая сила этого ханьцзы до сих пор заставляла его сердце испуганно сжиматься. Под тяжелым, пригвождающим к месту взглядом Чжуншаня спесь с кузена мигом слетела, а по спине пробежал неприятный холодок.

Фан Чжуншаню не хотелось тратить драгоценные силы на пустые пререкания перед самым важным испытанием.

К счастью, в этот момент занавеска, ведущая во внутренний двор, колыхнулась, и показавшийся оттуда служка зычно выкрикнул:

— Номер шестой, приготовьтесь!

Фан Чжуншань тут же отозвался уверенным голосом.

Цзян Жэньюй опешил, округлив глаза от изумления:

— Так ты... ты тоже пришел на отбор?!

Но изумление быстро уступило место завистливой злобе.

— С каких это пор никчемный бездельник, которого старая госпожа Фан давно списала со счетов, смеет соваться в лекари? Да тебе только навоз в поле месить!

Визгливый голос окончательно вывел Фана из равновесия. Одарив кузена уничтожающим взглядом, он негромко, но веско обронил:

— Исчезни.

В этом коротком слове сквозило такое глухое, яростное обещание расправы, что Цзян Жэньюй испуганно отшатнулся. Понимая, что численный перевес явно не на его стороне, а соперник не станет церемониться, он поспешно прикусил язык и юркнул обратно в толпу.

<http://bllate.org/book/19394/1988227>